
СЕМИОТИЧЕСКИЕ ПРОСТРАНСТВА КУЛЬТУРЫ

УДК: 003::114:008/9

DOI:10.31249/chel/2021.01.01

Чертов Л.Ф.

СЕМИОТИЗИРОВАННЫЕ ПРОСТРАНСТВА В КУЛЬТУРЕ®

*Международная ассоциация семиотики пространства и времени,
Санкт-Петербург, Россия, leonid.tchertov@googlemail.com*

Аннотация. В статье понятие пространства рассматривается в семиотическом аспекте. Семиотизированные пространства формируются в культуре везде, где с помощью тех или иных кодов отбираются значимые пространственные отношения и задаются нормы их интерпретации. Эти пространства носят антропоморфный характер, могут быть отделены друг от друга и иметь автономию разных типов. В то же время они вступают в разнообразные структурные и функциональные связи, образуя семиотически гетерогенные комплексы.

Ключевые слова: автономные и сепаратные пространства; семиотизация; антропоморфный; гетерогенный.

Поступила: 02.08.2020

Принята к печати: 17.08.2020

Tchertov L.F.**Semiotized spaces in culture***International Association for semiotics of space and time,
St. Petersburg, Russia, leonid.tchertov@googlemail.com*

Abstract. The concept of space is considered in the paper in a semiotic aspect. Semiotized spaces are formed in culture, when meaningful spatial relations are selected and interpreted by the norms of various codes. These spaces are anthropomorphic, have different types of autonomy and can be separated from each other. At the same time, they enter into diverse structural and functional connections, forming semiotically heterogeneous complexes.

Keywords: autonomous and separate spaces; semiotization; anthropomorphic; heterogeneous.

Received: 02.08.2020

Accepted: 17.08.2020

Понятие пространства в науках о культуре

Понятие пространства формируется в долгой истории. Начиная с противопоставления пустоты атомам у Демокрита или аморфной хоры упорядоченным формам у Платона, оно стало одним из ключевых в натурфилософии. Декарт противопоставил пространство и мышление как атрибуты телесной и бестелесной субстанций [Декарт, 1989, с. 335, § 53]. Лейбниц считал пространство порядком, в котором строятся отношения между сосуществующими телами [Лейбниц, 1982, с. 478, 496]. Отказавшись от атрибутивного подхода Декарта и от релятивистского взгляда Лейбница, Ньютон полагал, что кроме относительного пространства между подвижными телами, есть еще и абсолютное, которое «остается всегда одинаковым и неподвижным» [Ньютон, 1936, с. 30]. Кант произвел свой «коперниканский переворот», трактуя пространство и время как всеобщие и необходимые формы созерцания мира, которые даны субъекту *a priori* [Кант, 1994].

Однако уже вскоре математики показали, что евклидова геометрия, которую Ньютон и Кант считали единственной и универсальной, оказывается лишь одной из ряда умозрительных моделей, способных непротиворечиво описывать пространственные отношения [см.: Розенфельд, 1976]. Физики могут выбирать ту или

иную систему геометрии как альтернативные языки, дающие разные возможности для описания физической реальности [см.: Пуанкаре, 1983, с. 350–351; Рейхенбах, 1985, с. 55–56].

Со своей стороны, экспериментальная психология описала различия и в восприятии пространства в зависимости от модальностей рецепции: зрение открывает его субъекту не так, как слух или осязание [см.: Пуанкаре, 1983, с. 42–45]. Было осознано как отличие эмпирически подтвержденных физических теорий от чисто формальных математических моделей, так и различие «концептуального» и «перцептуального» пространства [см.: Кагнар, 1922; Рассел, 1997 (1948)].

Различия подобных «модусов» пространства по-своему переосмыслил и связал с кантовской идеей о формах созерцания Э. Кассирер [Кассирер, 2002, т. 1 (1923), с. 31–32; т. 2 (1925), с. 99–118]. В ряд этих модусов он включил и коллективные представления о пространстве, которые к тому времени стали изучаться в науках о культуре. Этнографы начали описывать мифологические представления о нем в архаических культурах [см., например: Кашинг, 1998; Ван Геннеп, 1999]. Социологи связали структурирование общественного пространства с формированием логических классификаций [Дюркгейм, Мосс, 1996]. Теоретики искусства заговорили о различии «оптического» и «гаптического» способов восприятия пространства в разных видах искусства [Гильдебранд, 1991 (1893)], в разные исторические эпохи [Riegl, 1901] и вообще – в стилистически разных «формах видения» [Вёльфлин, 1994 (1915); см. также Габричевский, 1923; Тарабукин, 1993–1994 (1927–1929)]. Исторические изменения способов изображения пространства позволили рассматривать и перспективу как одну из «символических форм» [Пановский, 2004 (1927); ср. Флоренский, 1993 а (1919), см. также позднее: Жегин, 1970, Мочалов, 1983].

Согласно Флоренскому, вообще «вся культура может быть истолкована как деятельность организации пространства» [Флоренский, 1993 б, с. 55]. «Символические формы», в которых предстает пространство перед субъектом в искусстве, в мифологических представлениях, в повседневных языках или языках науки, зависят от культурных норм, которые обуславливают их осмысление в каждой из этих сфер. Переход от натурфилософского или естественно-научного понимания пространства к его изучению как феномена культуры связан, по Кассиреру, с переходом от исследо-

ваний бытия пространства независимо от человека к изучению тех смыслов, которыми оно наделяется людьми и вне которых не может описываться его структура [Кассирер, 2011 (1930), с. 85].

Внутренняя связь способов образования значимых пространственных форм со способами их осмысления относится к сфере *семиотики пространства*, которая исследует не просто значения различных феноменов культуры, но и нормы их связей с пространственными конфигурациями. Это относительно новая ветвь науки о знаках, в которой понятийный аппарат общей семиотики Ч. Пирса или структурной лингвистики и семиологии Ф. де Соссюра стали применяться к исследованиям архитектуры, градостроительства и предметной среды [см., в частности, Семиотика пространства, 1999; Барт, 1971; Маркузон, 1970, 1979; Dreyer, 1984; Eco, 1972; König, 1971; Krampen, 1971; Lagopoulos, 1993; Preziosi, 1979; Pellegrino, 2006; Pellegrino, 1999–2007; Pellegrino, 2019; Wallis, 1973]. Семиотический анализ пространства распространился также на изобразительное искусство и литературу [см., например, Иванов, Топоров, 1977; Успенский, 1971; Лотман, 1992, с. 387–463; Лотман, 1998, с. 228–230]. Ю.М. Лотман сопоставил роль пространственных средств выражения в семиосфере культуры с ролью вербального языка [Лотман, 1992, с. 142].

В то же время выявились и пределы возможностей концептуального аппарата общей семиотики и структурной лингвистики для описания пространственных носителей смыслов [см., например: Эко, 1998; Чертов, 2014; Lagopoulos, 1998]. Семиотика пространства все более сталкивается с недостаточной разработанностью собственных понятий, которые учитывали бы специфику ее предмета. Вместе с такими специальными для нее понятиями, как *место*, *форма*, *тело* или *граница*, *пространство*, представляет собой одну из ее ключевых категорий, которая еще нуждается в специальном семиотическом осмыслении.

Автономные и сепаратные пространства

Основой всякого понятия пространства служат данные в опыте *пространственные отношения*. Справедливое замечание Канта о том, что общее понятие пространства не вытекает из эмпирических наблюдений [Кант, 1994, с. 50], нераспространимо

на чувственно улавливаемые сочетания этих отношений. Ведь, например, именно в той мере, в какой порядок букв в разных текстах не дан *a priori* и остается непредсказуемым, он способен нести информацию.

Пространственные отношения образуют особый класс, члены которого связаны с взаимным *расположением* сосуществующих объектов. Качественные особенности этого сосуществования характеризуются отношениями *совмещения* и *размещения*, *сочленения* и *расчленения*, *включения* и *исключения*, *пересечения* и *изоляции*. Его количественные особенности описываются отношениями *ближе* и *дальше*, *длиннее* и *короче*, *шире* и *уже* и т.п.

Эти отношения связывают между собой то, что может быть названо *пространственными объектами*. Комплексы отношений между последними образуют *конфигурации*, которые могут быть более или менее устойчивыми во времени. Каждая конфигурация отличается от других совокупностью фиксированных отношений между своими членами и меняется с изменением хотя бы одного из них.

Такие конфигурации могут сосуществовать, включаться одна в другую, пересекаться или чередоваться во времени. При этом образование даже из неустойчивых конфигураций может сохранять в разных своих состояниях ряд таких свойств, как *размерность*, *непрерывность* или *дискретность*, *открытость* или *замкнутость*, *изотропность* или *анизотропность* и др.

В той мере, в которой образование из постоянных или переменных пространственных отношений сохраняет подобные устойчивые свойства, оно может быть названо *пространством*. В отличие от конфигураций с фиксированными отношениями, пространство может рассматриваться как *единая среда сосуществования и изменения объектов*. Допуская изменения соотношений между ними, оно остается тем же самым, пока сохраняется некоторый набор его инвариантных свойств.

Этот набор может быть определен по-разному, и поэтому можно говорить о разных *автономных пространствах*, в той мере, в которой строй пространственных отношений в каждом из них подчиняется своим особым законам (ср. греч. νόμος – «закон»). Там, где пространственные отношения строятся по другим законам, складываются и автономные пространства иных типов. Каждое из них имеет особое сочетание свойств и отличается от про-

странств с другими условиями сосуществования и изменения образующих его объектов.

Разные типы автономии описываются, например, в элементарной, проективной, аффинной и других системах геометрии, каждая из которых своим особым образом строит теоретическую модель некоторого однородного пространства, находя в нем свойства, инвариантные относительно заданной группы преобразований [см.: Клейн, 1956].

Однако понятие автономного пространства имеет универсальный характер и применимо не только к теоретическим моделям, но и к чувственно данным образам пространства, и к представлениям о нем, складывающимся в различных формах культуры. Например, одномерное пространство текста на телеграфной ленте, двумерное пространство таблицы или трехмерное пространство театральной сцены тоже строятся по разным законам и имеют автономию разных типов.

Пространственный строй некоторых из них может быть строго определен. Так, если шахматная позиция допускает мат в три хода, это может быть доказано с той же аподиктичностью, что и геометрическая теорема. Но в этом шахматном пространстве не действует, скажем, теорема Пифагора, коль скоро оно измеряется не сантиметрами, а клетками, число которых одинаково в вертикалях, горизонталях и диагоналях. В других игровых пространствах школьная геометрия может сохраняться, хотя и они могут быть описаны как автономные пространства особого типа. Например, в отличие от двумерного и дискретного шахматного пространства, пространство футбольного поля трехмерно и непрерывно; при этом свойства замкнутости и анизотропности присущи и тому и другому.

Даже пространства с одним и тем же типом автономии могут обособляться друг от друга, если в них не выдерживаются *единый порядковый строй, единая мера протяженности или преемственность состояний*. Так соседние доски на шахматном турнире не связаны единым порядковым строем, и конем из одной партии нельзя взять пешку из другой; партии же, сыгранные пусть и на той же шахматной доске теми же фигурами, не обладают преемственностью состояний. Напротив, пространство каждой партии образует единую среду, которая при всех изменениях в ходе игры сохраняет свой порядковый строй, измеряется тем же числом клеток, и все позиции в ней связаны единой серией преобразований в

ее собственном времени. За рамки этой замкнутой пространственно-временной среды выходят фигуры, выбывшие из игры, соседние шахматные доски и вообще все то, что не включено в тот же самый порядок отношений. В подобных случаях можно говорить о *сепаратных пространствах*, коль скоро они сохраняют порядковое, метрическое и генетическое единство.

Разные автономные и сепаратные пространства отличаются не только законами построения, но и тем, что образуются объектами с разным онтологическим статусом. Двигающееся по законам физического пространства тело не может залететь ни в абстрактное математическое пространство, где роль «тел» играют уже бестелесные мыслимые объекты, ни в пространство, изображенное на картине, где физические тела репрезентируются за счет искусственной стимуляции у зрителя перцептивных образов. Общность понятия автономного пространства позволяет применять его как к физическим объектам, так и к их психическим образам, как в его научных описаниях, так и в описаниях донаучных представлений о нем. Такая универсальность выводит это понятие на уровень категорий философской онтологии. Конкретные же науки исследуют его проявления в соответствии со своей спецификой.

Особенности антропоморфных пространств культуры

Если точные науки ищут в пространственных отношениях то, что не зависит от антропоморфного представления, то для гуманитарных наук последнее, наоборот, наиболее интересно. Вместо унифицированного и обезличенного пространства, трактуемого как континуум нульмерных точек, науки о культуре изучают складывающиеся в разных традициях представления о неравнозначности различных мест и направлений пространства.

Важнейшая *структурная особенность* антропоморфного пространства – это связь его координатных осей с телом прямоходящего человека. В то время как математику и физику интересуют инварианты, независимые от любой заданной системы координат, науки о культуре особое внимание обращают на антропоцентричные координаты, образованные осями «верх – низ», «правое – левое», «переднее – заднее». Принцип относительности, утверждающий независимость законов движения физических тел или свойств гео-

метрических фигур от их положения в пространстве, остается чуждым для мифологического, религиозного, художественного или даже обыденного практического мышления, где обычно, наоборот, выделяются и абсолютизируются неотделимые от ценностных характеристик оппозиции верха и низа или переднего и заднего [ср., напри-: Бахтин, 1965; Гуревич, 2007, с. 73; Кассирер, 1998, с. 221; Кассирер, 2011].

В отличие от точных наук, выявляющих, прежде всего, количественные метрические свойства пространства, для наук о культуре интереснее его качественные характеристики, которые могут, однако, вполне научно описываться. К ним относятся, например, *анизотропность*, которую антропоморфное пространство приобретает уже вместе с абсолютизацией неравнозначных для человека направлений, или *неоднородность*, появляющаяся в нем, например, вслед за противопоставлением центра и периферии.

Антропоморфным образом осмысляются и предметы создаваемой человеком среды, становящейся проекцией его органов. Одежда, посуда, мебель и прочие предметы не просто морфологически соотнесены с человеком, но и уподобляются ему как имеющие «ножки», «ручки», «спинки», «шейки» и т.п. На предметную среду распространяются и различия вертикального и горизонтального направлений, их продольной или поперечной ориентации, «лица» и «изнанки». Эти различия важны и для архитектурных сооружений, направления и пропорции которых с древности связываются со строением человеческого тела [см.: Витрувий, 2006, с. 61–63]. Очевидна смысловая связь с той же антропоморфной системой координат и архитектурно организованного пространства города, а также ценностно интерпретированного географического пространства, особенно в архаическом сознании [см.: Лотман, 1965; Гуревич, 2007, с. 56–57; Lagoroulos, 1993]. Такому сознанию и весь космос мог представляться как вертикально выстроенная ценностная иерархия; в эпоху же Возрождения вся эта структура перестраивается в горизонтальной плоскости, развернутой вокруг человека (см.: Бахтин, 1965, с. 395).

На этой общей антропоморфной основе в культуре складываются сепаратные пространства разных типов автономии. В то же время их варианты могут быть приведены к инвариантному *базису* – общей для них связи с антропоцентричными координатами. Такой базис сближает, например, разные проявления универсальной про-

странственной модели, характерной для мифологических и религиозных представлений многих народов – схемы «мирового дерева» с ее трехчленным делением по вертикали и четырьмя горизонтальными направлениями [см.: Топоров, 2010; Элиаде, 1994]. Благодаря этому общему базису, микрокосм может морфологически и семантически связываться с макрокосмом, человек – с его предметным окружением, архитектурой и антропоморфно трактуемыми космологическими структурами.

Антропоморфные пространства разных типов сопоставимы не только по структуре, но и по связанным с нею *функциям*. Все они, так или иначе, включены в человеческую деятельность и организуют ее разные сферы. Таково, в частности, *пространство предметного действия*, в котором различимы персональное пространство действующего субъекта, пространство преобразуемого объекта и «фронт» их взаимодействия, опосредованного инструментом. Сходное строение имеет и *пространство социального поведения*, с той разницей, что вместо объектов в него включаются тела других субъектов, а «орудием» действия становятся средства коммуникации. *Ритуальные* и *игровые пространства* модифицируют пространства предметного и социального действия, обычно более жестко регламентируя состав участников и «кинематику» их значимых перемещений. В *пространстве театрального действия* все эти автономные пространства могут воспроизводиться уже как репрезентируемые объекты.

Репрезентация иных пространств есть и в *пространстве созерцания* (например, в картине), из которого полностью исключаются действия. Оно разворачивается в вертикальной для зрителя плоскости – в отличие от пространства действия, развернутого преимущественно горизонтально (на рабочем столе, на городской площади, на игровой площадке и т.п.).

Письмо, остающееся для пишущего в горизонтальной плоскости действия, переходит для читающего в вертикально ориентированное пространство созерцания. В конструкции ноутбука то и другое объединены как горизонтальная клавиатура и вертикальный экран.

Семиотизация пространства, ее средства и результаты

При всех различиях антропоморфные пространства функционально сходны в том, что подвержены *семиотизации*, которая состоит в отборе, организации и интерпретации значимых пространственных отношений по определенным нормам. В актах семиотизации пространственным носителям придаются и форма, и смысл, а также устанавливаются способы связи между оформлением и осмыслением.

Семиотизация пространства, таким образом, во-первых, *структурирует* его специальным образом: выделяет значимые пространственные единицы и отношения между ними. Во-вторых, она задает *способы интерпретации* выделенных пространственных отношений. Наконец, в ней определяются и *нормы употребления* организованных таким образом семиотических средств. Тем самым задаются, соответственно, *синтаксические, семантические и прагматические правила*, совокупность которых рассматривалась Ч. Моррисом [1983, с. 67–68] как *язык*, а ниже будет называться *пространственным кодом*. Код может быть и *пространственно-временным*, если он регламентирует не только состояния среды, но и их значимые изменения (события).

Семиотизация пространства имеет *внешнюю и внутреннюю* стороны. Первая связана с более или менее крупными преобразованиями телесных объектов, придающими им значимые формы и порядок соотношений. Вторая соотнесена с организацией сознания субъектов – с освоением ими кода, нормы которого направляют отбор и интерпретацию значимых пространственных отношений. Всякое внешнее оформление пространства – лишь предпосылка для его осмысления.

В силу этой зависимости от кода, семиотизированное пространство всегда автономно и, как правило, связано с антропоморфной системой координат.

Код, задающий нормы оформления и осмысления семиотизируемого пространства, определяет его «форму выражения» и «форму содержания», которые отличаются от физической и психической «субстанций», в терминах Л. Ельмслева [Ельмслев, 2006, § 13]. В форму выражения войдут значимые пространственные отношения и правила их образования и преобразования, а в форму содержания – семантические правила их интерпретации.

Как средства семиотизации, пространственные коды различаются своими способами выражения, спецификой содержания и связями между этими двумя планами. Каждый из кодов задает свой способ отбора значимых элементов, учитывающий как особенности их пространственных носителей, так и специфику их видения и осмысления на том или ином уровне психики.

Антропоморфные пространства с разными функциями семиотизируются с помощью различных кодов. Эти пространства часто разграничиваются между собой, а также внутри каждого из них сигнально-индексальными средствами *демаркационного кода* – рамами, барьерами, стенами, линиями разметки и многим другим. Пространство предметного действия организуется с помощью *предметно-функционального кода*, который связывает формы предметов с их орудийными функциями. *Социально-символический код* позволяет соотносить те же предметы со статусом людей уже в пространстве социального поведения. В том же пространстве действует и комплекс соматических кодов – *кинестического, проксемического, мимического* и др. [см.: Крейдлин, 2002], часть из которых регламентирует не только пространственные, но и временные отношения (например, в жестах). В ритуальных и игровых пространствах появляются и специальные коды. Так, в интерпретации храмового пространства, например, участвует *иерофанический код*, связывающий видимые формы с невидимым и священным [ср.: Элиаде, 1994, с. 17]. В шахматной игре ее специфический код связывает как знаки со своими значениями формы фигур – с разными способами движения в игровом пространстве. Пространство письма семиотизируется теми или иными *системами письменности* – алфавитной, иероглифической, пиктографической, а также *шрифтовыми кодами*.

В картине пространство созерцания расслаивается на плоское изображающее и объемное изображаемое пространство, которые регламентируются разными кодами. В плоскости картины могут действовать независимо от функции изображения *архитектонический* и *синестетические коды*, которыми способна ограничиваться абстрактная живопись. В изображенном пространстве могут воспроизводиться пространства предметного действия, социального поведения и другие из названных выше антропоморфных пространств вместе со всеми кодами, участвующими в их семиотизации. Есть и специальные *иконографические коды*, задающие интерпретацию изображенного. Наконец, особые *перцептографические*

коды, вместе с иконическим подобием, определяют связи между изображающим и изображаемым пространствами и позволяют создавать перцептивные образы изображенного мира с помощью перспективы, светотени и прочих приемов, зависящих от культурной традиции.

Коды, регулирующие семиотизацию пространства, могут относиться к знаковому или сигнально-индексальному уровням семиозиса. Их значения могут принадлежать как к логическому, так и к инфралогическому уровням психики – перцептивному (как у перцептографических кодов) или даже к квазисенсорному (как при синестезиях). Осмысление их семиотических средств может быть не только когнитивным, но и проективным, – когда актуализируются схемы орудийных действий в предметно-функциональном коде или движений фигур в шахматах. Оно бывает и аффективным – как, например, эмоции, выраженные и вызываемые средствами мимического кода.

Результатами семиотизации становятся *пространственные тексты*. Каждый из них создается семантически и синтаксически связанными конфигурациями объектов, которые структурируются и осмысляются по правилам тех или иных пространственных кодов. В зависимости от выбора последних отбираются элементы этих текстов, и исключается все то, что к регулируемой ими форме выражения не относится (оставаясь в рамках физической или психической «субстанции выражения», в терминах Ельмслева). В этом отношении различаются чисто пространственные тексты, которые исключают время из своей формы выражения (как рукописи, хранимые от повреждений), и тексты пространственно-временные (как кинофильмы, основанные на смене кадров).

Пространство и тексты вступают между собой в сложные отношения [ср.: Топоров, 1983]. Их анализ нуждается в прояснении обоих понятий. В частности, неоднозначное понятие пространственного текста включает в себя и письменные сообщения, регламентируемые только лингвистическими средствами (L-тексты), и пространственные конструкции, регулируемые любым вербальным или невербальным кодом (S-тексты), и риторические конструкции, в образовании которых участвует сразу несколько кодов (R-тексты). Можно использовать и герменевтическое понятие H-текстов, имея в виду пространственные образования, ставшие предметом истолкования с помощью неограниченного ком-

плекса семиотических и иконических средств. [См. подробнее о визуально-пространственных кодах и регулируемых ими текстах: Чертов, 2014, с. 79–131, 225–262; Чертов, 2015, с. 59–62; Чертов, 2017, с. 192–199; Tchertov, 2019, p. 188–248.]

В той мере, в какой пространственные тексты строятся по определенным законам, в них образуются сепаратные пространства того или иного типа автономии. В то же время сами эти тексты могут включаться в автономные пространства как допустимые в них конфигурации. В обоих случаях тексты и соотношенные с ними пространства не тождественны, хотя и те, и другие появляются как результаты семиотизации. Один L-текст в пространстве книги может следовать за другим или заменять его в пространстве экрана, сохраняющем тип своей автономии. Однако этот тип изменится, если вместо письменных текстов на том же экране будут появляться таблицы, графики, изображения или музыкальные партитуры. Один и тот же R-текст или тем более H-текст может содержать комплекс автономных и сепаратных пространств (как, например, акварель с изображением картинной галереи). И, наоборот, в одном и том же автономном пространстве могут сосуществовать или сменять друг друга разные пространственные тексты.

Пространство бывает «пресемиотизировано» – оформлено для определенного рода текстов, но не заполнено ими. При этом автономия того или иного типа и его сепаратная структура уже будут отчасти заданы. Таково, например, пространство холста, подготовленное для картины, организация которой сохраняет ряд общих свойств антропоморфных пространств, в частности – анизотропность координатных осей и ориентированных по ним границ (ср. идею «регулярного поля» изображения: [Шапиرو, 1972; Даниэль, 1979]). Таковы же начерченная, но еще пустая таблица, чистый лист школьной тетради «в линейку» или тетради для нот, декорации на сцене перед спектаклем и т.п.

Соотношения между семиотизированными пространствами

Как и гетерогенные тексты, пространства могут быть семиотизированы с помощью сразу нескольких кодов. Если шахматная доска в игре семиотизирована средствами только одного пространственно-временного кода, то, скажем, газетный лист с тек-

стами разных заметок, фотографиями, диаграммами, кроссвордами и прочими S- или R-текстами – это уже полисистемно устроенное пространство. Оно семиотически *гетерогенно*, поскольку, несмотря на общий физический носитель, с помощью разных семиосистем в нем выделены сепаратные пространства с разными типами автономии. Это не просто пространства с разными значениями – как, например, разные помещения в доме (столовая, кабинет, спальня и т.д.), а пространства, семиотизированные с помощью разных знаковых и сигнально-индексальных систем.

Такие же гетерогенные пространства возникают в географическом атласе с физическими, политическими или климатическими картами разных стран в разных масштабах, в библиотеке, наполненной книгами и альбомами на разных языках, в картинной галерее и т.д. Во всех таких случаях, где по-разному семиотизируются различные его участки, имеет место *экстенсивная гетерогенность* пространства.

Иначе формируется *интенсивно гетерогенное* пространство, где различные способы семиотизации концентрируются в одном и том же локусе физического пространства. Если образующие его объекты структурируются и осмысливаются с помощью разных кодов, то в нем будут сосуществовать и тексты со своими сепаратными пространствами и автономиями разных типов. Например, вокруг накрытого свадебного стола образуются и пространство предметного действия, семиотизированное посредством предметно-функционального кода, и пространство социального поведения, в котором проксемический код регулирует значимые дистанции между рассаженными вокруг стола гостями, гаптический код – их значимые прикосновения друг к другу, мимический код – их улыбки и многочисленные взгляды, а социально-символический код – их значимые манипуляции с предметами. Каждый из таких кодов позволяет создавать пространственные или пространственно-временные S-тексты, которые накладываются друг на друга в общем для них физическом пространстве-времени, но имеют разные семиотические структуры. Их различия могут быть выявлены в анализе, но они не могут быть так же отчетливо разграничены, как S-тексты из газетного листа или как разные картины в галерее.

В последнем случае каждая из картин содержит свое интенсивно гетерогенное пространство, «расслаивающееся» на автономные пространства разных типов. Ведь обрамленный холст,

покрытый красками, принадлежит физическому пространству материальных тел, в то время как изображенные на нем и конструируемые лишь в психическом образе объекты к этому пространству уже не принадлежат. Более того, пятна краски на поверхности холста, обособляясь от всего остального рамой картины, будут выделены в сепаратное изображающее пространство двух измерений, не тождественное ни трехмерному пространству социального поведения, в котором ходят и общаются друг с другом зрители, ни изображаемому пространству (объемному или плоскому), которое те видят в картине.

Последнее тоже может быть интенсивно и экстенсивно гетерогенным. Используя разные коды, можно находить в изображенном пространстве и фигуры людей с их жестами, мимикой, значимыми прикосновениями и дистанциями, и предметы интерьера, и письменные тексты или нотные записи. Как и в случае со свадебным столом, в этом комплексе семиотических средств могут быть аналитически выделены S-тексты, регламентируемые разными кодами, но сосуществующие в рамках одного изображаемого пространства. Интенсивную гетерогенность подобного рода приобретают и семиотизированные пространства зала заседаний, театральной сцены, киноэкрана и др.

Как вытекает из сказанного, между семиотизированными пространствами возникают разные *структурные связи*. Эти пространства могут *обособляться* друг от друга границами – как в экстенсивно гетерогенном музейном пространстве отделены друг от друга рамами картины разных местностей, изображенных в разных масштабах. Пространства могут также *включаться* одно в другое – как, например, те же картины в музейном зале, помещившиеся в пространстве фотографии, – или *пересекаться*, накладываясь одно на другое уже в интенсивно гетерогенном пространстве, как в примере со свадебным застольем.

Семиотизированные пространства вступают и в разные *функциональные* отношения. Если они имеют структурное сходство, с помощью которого одни из них репрезентируют другие, то первые функционируют в качестве *моделей* вторых – как это делают, в частности, архитектурные макеты, глобусы, скульптуры, картины, фотографии и прочие изображения.

В картине могут быть изображены другие картины, гравюры, географические или игральные карты, отражения в зеркалах и

многое другое, что может рассматриваться как автономные пространства с разными «уровнями реальности» [ср. Sandström, 1963]. При этом они остаются единым комплексом сепаратных и автономных пространств – ведь если картина будет перемещена на другое место или репродуцирована, все эти пространства сохранят свои связи (см. рис. 1).

Рис. 1.

Пример комплекса сепаратных и автономных пространств в одной картине. Корнелис де Бальё. Галерея коллекционера. Ок. 1635. Галерея Резиденции, Зальцбург

При всей вариативности автономных пространств различия в их структурной организации и даже в онтологическом статусе не мешают их взаимной *координации*, когда они сосуществуют как объекты интерпретации, оставаясь независимыми друг от друга. Если же развертывание одних пространств служит условием для формирования других, то такая функциональная зависимость оп-

ределяет отношение *субординации* между ними. Так, в картине изображенное пространство производно от изображающего как от условия своего существования, несмотря на автономию по способу внутренней организации.

В то же время в других отношениях те же пространства могут быть и скоординированы. Например, в плоском изображающем пространстве картины Тинторетто «Тайная вечеря» (рис. 2) резко смещенная вбок точка схода задает диагональное построение линий по правилам перспективы. Как средства перцептографического кода эти линии создают зависимое от них изображенное пространство. Но в системе архитектурного кода те же диагонали образуют индексы неустойчивости и беспокойства, которые координируются с выразительными движениями фигур уже в изображенном пространстве, семиотизированном с помощью других кодов.

Рис. 2.

Пример координации изображающего и изображаемого пространств с помощью выразительных средств архитектурного кода. Тинторетто. Тайная вечеря. 1592–1594. Сан-Джорджо Маджоре, Венеция

Зависимость между пространствами может быть и *генетической* – когда одно из них преобразуется в другое. Так происходит, например, в случаях *ресемиотизации пространства*, которое начинает осмысляться с помощью иных семиотических средств [см.: Чертов, 2020].

Таким образом, пространственные отношения, отобранные и осмысленные в соответствии с различными культурными нормами, образуют сепаратные семиотизированные пространства с разными типами автономии. Анализ их структурных и функциональных особенностей – важнейшая задача пространственной семиотики.

Список литературы

- Барт Р.* Семиология и градостроительство // Современная архитектура. – Москва, 1971. – № 1. – С. 7–10.
- Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – Москва : Изд-во Художественная литература, 1965. – 528 с.
- Ван Геннеп А.* Обряды перехода. – Москва : Восточная литература РАН, 1999. – 200 с.
- Вельфлин Г.* Основные понятия истории искусства. Проблема эволюции стиля в новом искусстве. – Санкт-Петербург : Мифрил, 1994. – XVIII + 398 с.
- Витрувий.* Десять книг об архитектуре. – Москва : Архитектура-С, 2006. – 328 с.
- Габричевский А.Г.* Пространство и масса в архитектуре // Искусство. – Москва, 1923. – № 1. – С. 292–309.
- Гильдебранд А.* Проблема формы в изобразительном искусстве. – Москва : Изд-во МПИ, 1991. – 137 с.
- Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры // *Гуревич А.Я.* Избранные труды. Средневековый мир. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – С. 15–260.
- Даниэль А.М., Даниэль С.М.* Регулярное поле изображения как объект семиотического анализа // Теоретические проблемы дизайна. Методологические аспекты социологических и историко-культурных исследований. – Москва : ВНИИТЭ, 1979. – С. 75–80.
- Декарт Р.* Первоначала философии // *Декарт Р.* Сочинения: в 2 т. – Москва : Мысль, 1989. – Т. 1. – С. 297–422.
- Дюркгейм Э., Мосс М.* О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений // *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. – Москва : Восточная литература РАН, 1996. – С. 6–73.
- Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка. – Москва : КомКнига / URSS, 2006. – 248 с.

- Жегин Л.Ф. Язык живописного произведения (Условность древнего искусства). – Москва : Искусство, 1970. – 232 с.
- Иванов В.В., Топоров В.Н. Структурно-типологический подход к семиотической интерпретации произведений изобразительного искусства в диахроническом аспекте // Труды по знаковым системам. – Тарту : Изд-во Тартуского университета, 1977. – Вып. 8. – С. 103–119.
- Кант И. Критика чистого разума. Москва : Мысль, 1994. – 592 с.
- Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – Москва : Гардарика, 1998. – 784 с.
- Кассирер Э. Философия символических форм: в 3 т. – Москва ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2002. – Т. 1 : Язык. – 272 с.; Т. 2 : Мифологическое мышление. – 280 с.
- Кассирер Э. Мифическое, эстетическое и теоретическое пространство // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2011. – Т. 12, вып. 4. – С. 85–97.
- Кашинг Ф. Очерк мифо-социологической организации Зуньи // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – Москва : Гардарика, 1998. – С. 245–248.
- Клейн Ф. Сравнительное обозрение новейших геометрических исследований («Эрлангенская программа») // Об основаниях геометрии. Сб. классич. работ по геометрии Лобачевского и развитию его идей / Норден А.П. (ред.). – Москва : ГИТТЛ, 1956. – С. 399–434.
- Крейдлини Г.Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. – Москва : Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.
- Лейбниц Г. Переписка с Кларком // Лейбниц Г. Сочинения: в 4 т. – Москва : Мысль, 1982. – Т. 1. – С. 430–528.
- Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Труды по знаковым системам 2. Ученые записки ТГУ, вып. 181. – Тарту : Изд-во Тартуского университета, 1965. – С. 210–216.
- Лотман Ю.М. Избранные статьи. – Таллинн : Александра, 1992. – Т. 1. – 479 с.
- Лотман Ю.М. Об искусстве. – Санкт-Петербург: Искусство – Санкт-Петербург, 1998. – 704 с.
- Маркузон В.Ф. О закономерностях развития и семантике архитектурного языка // Архитектура СССР. – Москва, 1970. – № 1. – С. 46–53.
- Маркузон В.Ф. О специфике художественного языка предметно-пространственной среды. Семиотический аспект // Труды ВНИИТЭ. Техническая эстетика. – Москва, 1979. – Вып. 20. – С. 11–31.
- Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика : сб. статей / сост., вступит. статья и общ. ред. Ю.С. Степанова. – Москва : Радуга, 1983. – С. 37–89.
- Мочалов Л.В. Пространство мира и пространство картины : Очерки о языке живописи. – Москва : СХ, 1983. – 376 с.
- Ньютон И. Математические начала натуральной философии // Крылов А.Н. Собр. соч. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1936. – Т. 7. – 703 с.
- Пановский Э. Перспектива как «символическая форма». Готическая архитектура и схоластика. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2004. – 336 с.
- Пуанкаре А. О науке. – Москва : Наука, 1983. – 735 с.
- Рассел Б. Человеческое познание. Его сфера и границы. – Киев : Ника-Центр, 1997. – 556 с.

- Рейхенбах Г. Философия пространства и времени. – Москва : Прогресс, 1985. – 344 с.
- Розенфельд Б.А. История неевклидовой геометрии. Развитие понятий о неевклидовом пространстве. – Москва : Наука, 1976. – 414 с.
- Семиотика пространства. Сб. науч. тр. Междунар. ассоц. семиотики пространства / ред. А.А. Барабанов. – Екатеринбург : Архитектон, 1999. – 668 с.
- Тарабукин Н.М. Проблема пространства в живописи // Вопросы искусствознания. – Москва ; Санкт-Петербург, 1993 – № 1. – С. 170–208; № 2–3. – С. 245–264; № 4. – С. 334–366; 1994. – № 1. – С. 311–359.
- Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст : семантика и структура / отв. редактор Т.В. Цивьян – Москва : Наука, 1983. – С. 227–285.
- Топоров В.Н. Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы: в 2 т. – Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2010. – Т. 1. – 448 с.
- Успенский Б.А. О семиотике иконы // Труды по знаковым системам 5. – Тарту : Изд-во Тартуского университета, 1971. – С. 178–222.
- Флоренский П.А. Обратная перспектива // Иконостас. Избранные труды по искусству. – Санкт-Петербург : Мифрил, Русская книга, 1993 а. – С. 175–281.
- Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. – Москва : Изд. группа «Прогресс», 1993 б. – 324 с.
- Чертов Л.Ф. Знаковая призма. Статьи по общей и пространственной семиотике. – Москва : Языки славянской культуры, 2014. – 320 с.
- Чертов Л.Ф. К семиотике пространственных границ // Границы и пограничность в культуре : Международный журнал исследований культуры. – Москва : Эйдос, 2015. – Вып. 4 (21). – С. 51–62. – (Электронное издание). – Режим доступа : www.culturalresearch.ru ISSN 2079–1100).
- Чертов Л.Ф. Семиотика. Очерки истории и теории. – Москва : URSS / ЛЕНАНД, 2017. – 240 с.
- Чертов Л.Ф. О семиотизации и ресемиотизации пространства города (На примере Санкт-Петербурга) // Человек : образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – Москва : ИНИОН РАН, 2020. – № 1 (41). Гетеротопия и семиотика культурного ландшафта. – С. 78–90.
- Шапиро М. Некоторые проблемы семиотики визуального искусства. Пространство изображения и средства создания знака-образа // Семиотика и искусствометрия : сб. статей. – Москва : Мир, 1972. – С. 136–163.
- Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – Санкт-Петербург : Петрополис, 1998. – 432 с.
- Элиаде М. Священное и мирское. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1994. – 144 с.
- Carnap R. Der Raum. Ein Beitrag zur Wissenschaftslehre // Kant-Studien, Ergänzungshefte. – Berlin : Reuter and Richard, 1922. – N. 56. – 87 S.
- Dreyer C. Neuere Tendenzen in der Architektursemiotik // Zeitschrift für Semiotik. – 1984. – Bd 6, H. 3– P. 331–339.
- Eco U. A Componential Analysis of Architectural Sign (Column) // Semiotica. – 1972. – 5 (2). – P. 97–117.
- Krampen M. Semiotik der Architektur // Werk. – 1971. – N 4. – S. 246–248.

- König D.K. Zur architektonischen Semiotik // Werk. – 1971. – N 6. – S. 386–390.
- Lagopoulos A. From the Stick to the Region : Space as a Social Instrument of Semiosis // Semiotica. – 1993. – 96 (1–2), – P. 87–138.
- Laugopoulos A. Semiotics of space: A fuzzy field // The Man and the City : Spaces, Forms, Meanings. Reports to the International Association for the Semiotics of Space (St. Petersburg, 27–30 July 1995). – St. Petersburg ; Geneva ; Thessaloniki ; Ekaterinburg: Architecton, 1998. – Vol. 5. – P. 19–21.
- Pellegrinio P. Le Sense de l'Espace. – Paris : Anthropos, 1999–2007. – Vol. 1–4.
- Pellegrinio P. Space: Semiotics // Encyclopedia of Language & Linguistics / Keith Brown (ed.). – Oxford : Elsevier, 2006. – Vol. 11. – P. 599–601.
- Pellegrino P. A Reasoned History of AISE, 2019. – Mode of access : <https://www.ias-st.com/history>
- Preziosi D. Architecture, Language, and Meaning. The Origins of the Built World and its Semiotic Organization // Approaches to Semiotics 49. – The Hague ; Paris ; New York, 1979. – 122 p.
- Riegl A. Die spätrömische Kunst-Industrie nach den Funden in Österreich-Ungarn in Zusammenhänge mit der Gesamtentwicklung der bildenden Künste den Mittelmeervölkern. – Wien : Hof- und Staats-Druckerei, 1901. – VI +222 S.
- Sandström S. Levels of Unreality. Studies in Structure and Construction in Italian Mural Painting During the Renaissance. – Uppsala : Almqvist & Wiksells Boktryckeri AB, 1963. – 207 p.
- Tchertov L. Signs, Codes, Spaces, and Arts : Papers on General and Spatial Semiotics. – Newcastle : Cambridge Scholars Publishing, 2019. – XVIII +512 p.
- Wallis M. Semantic and Symbolic Elements in Architecture. Iconity and First Step Towards an Architectural Semiotics // Semiotica. – 1973. – 8 (3/4). – P. 220–238.

References¹

- Bart, R. (1971). Semiology i gradostroitel'stvo. In *Sovremennaya arhitektura*, (1), 7–10. Moscow.
- Bahtin, M.M. (1965). *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa*. Moscow : Izd-vo Hudozhestvennaya literatura.
- Van Gennep, A. (1999). *Obryady perekhoda*. Moscow : Vostochnaya literatura RAN.
- Vyol'flin, G. (1994). *Osnovnye ponyatiya istorii iskusstva. Problema evolyucii stilya v novom iskusstve*. Saint Petersburg : Mifril.
- Vitruvij. (2006). *Desyat' knig ob arhitekture*. Moscow : Arhitektura-S.
- Gabricheskij, A.G. (1923). Prostranstvo i massa v arhitekture. In *Iskusstvo*, (1), 292–309. Moscow.
- Gil'debrand, A. (1991). *Problema formy v izobrazitel'nom iskusstve*. Moscow : Izd-vo MPI.

---

¹ Здесь и далее библиографические записи в References оформлены в стиле «American Psychological Association» (APA) 6th edition.

- Gurevich, A. Ya. (2007). Kategorii srednevekovoj kul'tury. In Gurevich A. Ya. *Izbrannye trudy. Srednevekovyj mir* (pp. 15–260). Saint Petersburg : Izd-vo S.-Peterb. un-ta.
- Daniel', A.M., Daniel', S.M. (1979). Regulyarnoe pole izobrazheniya kak ob'ekt semioticheskogo analiza. In *Teoreticheskie problemy dizajna. Metodologicheskie aspekty sociologicheskikh i istoriko-kul'turnykh issledovanij*, (pp. 75–80). Moscow : VNIITE.
- Dekart, R. (1989). Pervonachala filosofii. In Dekart R. *Sochineniya: v 2 t. T. 1.* (pp. 297–422). Moscow : Mysl'.
- Dyurkgejm, E., Moss, M. (1996). O nekotoryh pervobytnykh formah klassifikacii. K issledovaniyu kollektivnykh predstavlenij. In Moss M. *Obshchestva. Obmen. Lichnost'.* *Trudy po social'noj antropologii*, (pp. 6–73). Moscow : Vostochnaya literatura RAN.
- El'melev, L. (2006). *Prolegomeny k teorii yazyka*. Moscow : KomKniga/URSS.
- Zhegin, L.F. (1970). *Yazyk zhivopisnogo proizvedeniya (Uslovnost' drevnego iskusstva)*. Moscow : Iskustvo.
- Ivanov, V.V., Toporov, V.N. (1977). Strukturno-tipologicheskij podhod k semioticheskoi interpretacii proizvedenij izobrazitel'nogo iskusstva v diahronicheskom aspekte. In *Trudy po znakovym sistemam. (Vyp. 8)* 103–119. Tartu : Izd-vo Tartuskogo universiteta.
- Kant, I. (1994). *Kritika chistogo razuma*. Moscow : Mysl'.
- Kassirer, E. (1998). *Izbrannoe. Opyt o cheloveke*. Moscow : Gardarika.
- Kassirer, E. (2002). *Filosofiya simvolicheskikh form: v 3 t. T. 1: Yazyk.; t. 2 : Mifologicheskoe myshlenie*. Moscow ; Saint Petersburg : Universitetskaya kniga.
- Kassirer, E. (2011). Mificheskoe, esteticheskoe i teoreticheskoe prostranstvo. In *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii. T. 12. (Vyp. 4)*, 85–97.
- Kashing, F. (1998). Ocherk mifo-sociologicheskoi organizacii Zun'i. In Kassirer E. *Izbrannoe. Opyt o cheloveke*, (pp. 245–248). Moscow : Gardarika.
- Klejn, F. (1956). Sravnitel'noe obozrenie novejshih geometricheskikh issledovanij («Erlangenskaya programma»). In Norden A.P. (ed.) *Ob osnovaniyah geometrii*, (pp. 399–434). Moscow : GITTL.
- Krejdlin, G.E. (2002). *Neverbal'naya semiotika. Yazyk tela i estestvennyj yazyk*. Moscow : Novoe literaturnoe obozrenie.
- Lejbnic, G. (1982). Perepiska s Klarkom. In Lejbnic G. *Sochineniya: v 4 t. T. 1.* (Pp. 430–528). Moscow : Mysl'.
- Lotman, Yu.M. (1965). O ponyatii geograficheskogo prostranstva v russkikh srednevekovykh tekstah. In *Trudy po znakovym sistemam 2. Uchenye zapiski TGU*, (vyp. 181), 210–216. Tartu : Izd-vo Tartuskogo universiteta.
- Lotman, Yu.M. (1992). *Izbrannye stat'i. T. 1. Tallinn : Aleksandra.*
- Lotman, Yu.M. (1998). *Ob iskusstve*. Saint Petersburg : Iskustvo – SPb.
- Markuzon, V.F. (1970). O zakonomernostyakh razvitiya i semantike arhitekturnogo yazyka. In *Arhitektura SSSR* (1) 46–53. Moscow.
- Markuzon, V.F. (1979). O specifikе hudozhestvennogo yazyka predmetno-prostranstvennoj sredy. Semioticheskij aspect. In *Trudy VNIITE. Tekhnicheskaya estetika. (Vyp. 20)*, 11–31. Moscow.

- Morris, Ch. (1983). Osnovaniya teorii znakov. In Yu.S. Stepanov (introductory article, ed.). *Semiotika : Sb. statej*, (pp. 37–89). Moscow : Raduga.
- Mochalov, L.V. (1983). *Prostranstvo mira i prostranstvo kartiny : Ocherki o yazyke zhivopisi*. Moscow : SH.
- N'yuton, I. (1936). Matematicheskie nachala natural'noj filosofii. In Krylov A.N. *Sobr. soch. T. 7*. Moscow ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR.
- Panofskij, E. (2004). *Perspektiva kak «simvolicheskaya forma»*. *Goticheskaya arhitektura i skholastika*. Saint Petersburg : Azbuka-klassika.
- Puankare, A. (1983). *O nauke*. Moscow : Nauka.
- Rassel, B. (1997). *Chelovecheskoe poznanie. Ego sfera i granicy*. Kiev : Nika-Centr.
- Rejhenbah, G. (1985). *Filosofiya prostranstva i vremeni*. Moscow : Progress.
- Rozenfel'd, B.A. (1976). *Istoriya neevklidovoj geometrii. Razvitie ponyatij o neevklidovom prostranstve*. Moscow : Nauka.
- Barabanov, A.A. (red.) (1999). *Semiotika prostranstva. Sb. nauch. tr. Mezhdunar. assoc. semiotiki prostranstva*. Ekaterinburg : Arhitekton.
- Tarabukin, N.M. (1993, 1994). Problema prostranstva v zhivopisi. In *Voprosy iskusstvoznaniya*, (1), 170–208; (2–3), 245–264; (4), 334–366; (1994), (1), 311–359. Moscow ; Saint Petersburg.
- Toporov, V.N. (1983). Prostranstvo i tekst. In *Tekst : semantika i struktura*, (pp. 227–285). Moscow : Nauka.
- Toporov, V.N. (2010). *Mirovoe derevo. Universal'nye znakovye komplekсы: v 2 t. T. 1*. Moscow : Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi.
- Uspenskij, B.A. (1971). O semiotike ikony. In *Trudy po znakovym sistemam* 5, (pp. 178–222). Tartu : Izd-vo Tartuskogo universiteta.
- Florenskij, P.A. (1993 a). Obratnaya perspektiva. In *Ikonostas. Izbrannye trudy po iskusstvu*, (pp. 175–281). Saint Petersburg : Mifril, Russkaya kniga, 1993 a.
- Florenskij, P.A. (1993 b). *Analiz prostranstvennosti i vremeni v hudozhestvenno-izobrazitel'nyh proizvedeniyah*. Moscow : Izd. Progress.
- Chertov, L.F. (2014). *Znakovaya prizma. Stat'i po obshchej i prostranstvennoj semiotike*. Moscow : Yazyki slavyanskoj kul'tury.
- Chertov, L.F. (2015). K semiotike prostranstvennyh granic. In *Granicy i pograničnost' v kul'ture. Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury. (Vyp. 4)*, 51–62. Moscow : Izd-vo «Ejdos». Retrieved from : www.culturalresearch.ru ISSN 2079–1100.
- Chertov, L.F. (2017). *Semiotika. Ocherki istorii i teorii*. Moscow : URSS / LENAND.
- Chertov, L.F. (2020). O semiotizacii i resemiotizacii prostranstva goroda (Na primere Sankt-Peterburga). In *Chelovek : obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty. Geterotopiya i semiotika kul'turnogo landshafta*, (1), 78–90. Moscow : INION RAN.
- Shapiro, M. (1972). Nekotorye problemy semiotiki vizual'nogo iskusstva. Prostranstvo izobrazheniya i sredstva sozdaniya znaka-obraza. In *Semiotika i iskusstvometriya : sb. statej*, (pp. 136–163). Moscow : Mir.
- Eko, U. (1998). *Otsustvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu*. Saint Petersburg : Petropolis.
- Eliade, M. (1994). *Svyashchennoe i mirskoe*. Moscow : Izd-vo Mosk. un-ta.
- Carnap, R. (1922). *Der Raum. Ein Beitrag zur Wissenschaftslehre*. In *Kant-Studien, Ergänzungshefte*, (56). Berlin : Reuter and Richard.

- Dreyer, C. (1984). Neuere Tendenzen in der Architektursemiotik. In *Zeitschrift für Semiotik*. (Bd 6, H. 3), 331–339.
- Eco, U. (1972). A Componential Analysis of Architectural Sign (Column). In *Semiotica*, 5 (2), 97–117.
- Krampe, M. (1971). Semiotik der Architektur. In *Werk*. (4), 246–248.
- König, D.K. (1971). Zur architektonischen Semiotik. In *Werk*. (6), 386–390.
- Lagopoulos, A. (1993). From the Stick to the Region : Space as a Social Instrument of Semiosis. In *Semiotica*, 96 (1–2), 87–138.
- Laugopoulos, A. (1998). Semiotics of space: A fuzzy field. In *The Man and the City : Spaces, Forms, Meanings. Reports to the International Association for the Semiotics of Space (St. Petersburg, 27–30 July 1995)*. (V. I), 19–21. Saint Petersburg ; Geneva ; Thessaloniki ; Ekaterinburg : Architecton.
- Pellegrino, P. (1999–2007). *Le Sense de l'Espace. Vol. 1–4*. Paris : Anthropos.
- Pellegrino, P. (2006). Space: Semiotics. In Keith Brown (ed.), *Encyclopedia of Language & Linguistics*. (Vol. 11), 599–601. Oxford : Elsevier.
- Pellegrino, P. (2019). *A Reasoned History of AISE*. Retrieved from : <https://www.ias-st.com/history>
- Preziosi, D. (1979). *Architecture, Language, and Meaning. The Origins of the Built World and its Semiotic Organization*. In *Approaches to Semiotics* 49. The Hague ; Paris ; New York.
- Riegl, A. (1901). *Die spätromische Kunst-Industrie nach den Funden in Österreich-Ungarn in Zusammenhänge mit der Gesamtwirkung der bildenden Künste den Mittelmeervölkern*. Wien : Hof- und Staats-Druckerei. – VI +222 S.
- Sandström, S. (1963). *Levels of Unreality. Studies in Structure and Construction in Italian Mural Painting During the Renaissance*. Uppsala : Almqvist & Wiksells Boktryckeri AB.
- Tchertov, L. (2019). *Signs, Codes, Spaces, and Arts : Papers on General and Spatial Semiotics*. Newcastle : Cambridge Scholars Publishing.
- Wallis, M. (1973). Semantic and Symbolic Elements in Architecture. Iconology as a First Step Towards an Architectural Semiotics. In *Semiotica*, 8 (3/4), 220–238.